

УДК 821.161.1– 1

Рамазанова Г.Г.

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы*

ПОЭЗИЯ В.Г. БЕНЕДИКТОВА В ОЦЕНКЕ МОСКОВСКОЙ И ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРИТИКИ 1830-Х ГОДОВ*

G. Ramazanova

Bashkortostan State Pedagogical University named after M.Akmullah.

V. BENEDIKTOV'S POETRY IN THE MOSCOW'S AND ST. PETERSBURG'S CRITICISM OF 1830s

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые критические отзывы о поэзии В.Г. Бенедиктова, даровитого и оригинального поэта XIX века. В восторженной рецензии С.П. Шевырева, опубликованной в журнале «Московский наблюдатель», в частности, утверждалось, что лишь с приходом Бенедиктова в русскую поэзию «явилась мысль». Однако наряду с этой спорной мыслью Шевырев справедливо отметил глубокую духовность, предельную откровенность «покаянной» лирики Бенедиктова. Рецензия вызвала резкий полемический отклик Ф.В. Булгарина, несогласного со столь высокой оценкой творчества начинающего поэта.

Ключевые слова: поэзия В.Г. Бенедиктова. «любомудры», критика С.П. Шевырева, Ф.В. Булгарина, «покаянная лирика».

Abstract. Some critical reviews of V. Benediktov's poetry, the gifted and original poet of the 19th century, are considered in the given article. S. Shevyrev's enthusiastic review in which he declared that Benediktov was the first who 'brought thought' to Russian poetry caused F.V. Bulgarin's polemic response. However, along with this disputable thought S. Shevyrev revealed true spirituality of 'penitential' lyrics of the novice poet and his judgment is represented as justified and fair.

Key words: V. Benediktov's poetry, S. Shevyrev's and F. Bulgarin's criticism, 'penitential lyrics'.

Рецензия С.П. Шевырева на сборник «Стихотворения Владимира Бенедиктова», вышедший в 1835 году, была одним из многочисленных положительных откликов, встретивших появление нового поэта [1]. Его поэзией в свое время увлекся даже В.А. Жуковский. По свидетельству И.И. Панаева, он «до того был поражен и восхищен книжечкою Бенедиктова, что несколько дней сряду не расставался с нею и, гуляя по Царскому саду, оглашал воздух бенедиктовскими звуками» [3, с. 100].

В обширном вступлении статьи Шевырева говорится о весьма скромном значении поэзии в отечественной словесности, анализируются причины охлаждения публики к ней. Ее главную причину автор усматривает в отсутствии мысли в лирических произведениях. Размышляя об эволюции русской поэзии, Шевырев выделяет в ней несколько периодов, первый из которых – период становления литературного поэтического языка, второй – период изящных форм, гармонии, и новый, современный период – период мысли. Критик приходит к выводу: «... Для форм мы уже много сделали, для мысли еще мало, почти ничего. Период форм, период материальный, языческий, одним словом, период стихов и пластицизма уже кончился в нашей литературе сладкозвучною сказкою: пора наступить другому – периоду духовному, периоду мысли!» [7, с. 442].

Оценивая состояние лирики, Шевырев руководствовался положениями выработанной

---

⁸ © Рамазанова Г.Г.

«любомудрами» теории поэзии. Исследователь творчества Шевырева М. Аронсон говорит о теоретических воззрениях поэтов-филологов следующее: «“Любомудры”, в свою очередь, осознавая себя зачинателями новой поэзии, противопоставляли себя поэзии Пушкина и его сверстников. В книге Г. Кенига “Очерки русской литературы”, написанной, как известно, при ближайшем участии Н. Мельгунова и отразившей литературные взгляды “любомудров”, различаются три эпохи русской литературы XIX века. К первой отнесены Жуковский, Батюшков и Вяземский. Ко второй – Пушкин, Баратынский, Дельвиг, Языков, Козлов и даже Подолинский. Третью группу составляют “любомудры”: Веневитинов, Шевырев, Хомяков – «и другие, еще не определившиеся». «Любомудры» не только не смешивали себя с пушкинскими эпигонами, но и прямо противопоставляли себя им...» [1, с. 13-14]. Принципиальный момент эстетики «любомудров» заключался в убежденности, что настоящей поэзии мысли «противопоказана» тщательность отделки, поскольку одно другому противоречит. По их мнению, стихотворение, «тяжелое» мыслями, должно быть нарочито неотделанным, грубым по форме, даже эпатурирующим эстетическое восприятие. В «Послании к Пушкину», написанном в 1830 г., Шевырев рассуждал о неспособности русского языка служить поэзии мысли:

*Так наш язык: от слова ль праздный слог
Чуть отогнешь, небрежно ль вынешь.
Теснее ль в речь мысль новую водвинешь, –
Уж болен он, не вынесет, кряхтит.
И мысль на нем, как груз какой, лежит!
Лишь песенки ему да брани милы [8].*

Стихотворный сборник Бенедиктова, по мнению автора, кардинально меняет ситуацию. Критик говорит о начинающем поэте: «Вдруг, сегодня, нечаянно, является в нашей литературе новый поэт, с высоким порывом неподдельного вдохновения, со стихом могучим и полным, с грацией образов, но что всего важнее: с глубокою мыслию на челе, с

чувством нравственного целомудрия и даже с некоторым опытом жизни... ..Совершенно неожиданно раздаются его песни, в такое время, когда мы, погрузясь в мир прозы, уже отчаялись за нашу поэзию...» [7, с. 439-440].

Таким образом, творчество В. Бенедиктова, увлекшее и покорившее Шевырева, противопоставлено всему потоку российской лирики. По мнению критика, оно отличается двумя качествами, первое из которых особенно значимо: «Первая черта, которая выдается на физиогномии нового поэта – глубокий след мысли на челе его» [7, с. 442]. Надо заметить, что именно это утверждение вызвало абсолютное несогласие других критиков. Вторая черта лирики, пронизательно подмеченная Шевыревым, – «могучее нравственное чувство добра, слитое с чувством целомудрия» [7, с. 446].

На первый взгляд это суждение о поэзии Бенедиктова представляется парадоксальным, особенно если иметь в виду, что больше всего упреков современников вызывала именно балансирующая на грани приличия эротичность его лирики. Шевырева, как становится понятно из контекста статьи, в лирике молодого автора привлекает беспощадная рефлексия, то, что он публично рассказывает в своих многочисленных пороках, не стесняясь обнажить глубоко скрытые, затаенные переживания. Смелость и откровенность самобичевания для Шевырева – показатель способности души к нравственному очищению и перерождению: «Поэт открыт, перед целым светом, не краснея, звучными соблазнительными стихами рассказывал повесть своих чувственных наслаждений... Новый поэт выходит в мир не без грешных признаний, не без воспоминаний виновных, но он выносит с ними или чувство какого-то чистого покаяния, или чувство первой, незабвенной любви, – и, наконец, выносит из жизни чувство веры и чувство благородного рвения за добро и правду» [7, с. 446-447].

В качестве иллюстрации своих мыслей Шевырев приводит стихотворение «К Н-му» (в статье перепечатано множество произведений целиком), сопровождая следующим

комментарием: «Еще обращаю внимание на одно стихотворение, в котором кроме глубокого нравственного чувства выражается вопрос весьма важный, касающийся современных понятий супружества. Здесь этот вопрос разрешен со всею чистотою чувства; здесь поэзия целомудренна, непорочна, здесь Поэзия – добродетель» [7, с. 451].

Второе издание стихотворений молодого автора также было встречено многочисленными отзывами, один из которых – рецензия Ф.В. Булгарина, напечатанная в «Северной пчеле» [5]. Новый сборник стал не только поводом к оценке поэзии Бенедиктова, но одновременно – к заочной полемике с неизменным оппонентом – Шевыревым. Нет нужды напоминать, что Ф. Булгарин был беспринципным человеком, одиозной фигурой. Однако нельзя отрицать очевидного – он обладал эстетическим чутьем критика. Статья не имеет заглавия, подписана псевдонимом – Р. М. (Фаддей Булгарин или Родственник Магомета). Не называя имени Шевырева, автор говорит о ничем не оправданной восторженности, с которой им был встречен первый сборник поэта, порицает излишнюю щедрость авансов, которые выдал маститый критик молодому дарованию. Нельзя не согласиться со справедливыми упреками к Шевыреву, поскольку его рецензия явно отличалась некорректным отношением к другим русским поэтам. Руководствуясь своей внутренней логикой, движимый желанием подчеркнуть значение творческого вклада Бенедиктова, Шевырев несколько предвзято оценил ситуацию в отечественной поэзии. Булгарин указывает на это: «Между тем, известный Московский критик, печатающий свои статьи в Московском Наблюдателе, встретил стихотворения Бенедиктова неумеренною похвалою, очень похожими на шутку или насмешку. По его мнению, Г. Бенедиктов – ни больше, ни меньше – первый поэт Руси. Глубокомысленный критик забыл, на этот раз и Державина, и Пушкина, и Жуковского, и Батюшкова, и Богдановича. Мы не говорим уже о наших второстепенных поэтах, которые все выше господина Бенедиктова. Г.

Шевырев, в припадке лирического восторга, забыл, что всякая похвала должна иметь границы, что 48 стихотворений, каждое в полторы страницы длиною, не могут создать огромной репутации поэта» [5, с. 1-2].

Столь восторженное отношение к творчеству молодого поэта, по мнению Булгарина, крайне вредно для него самого: «С таким талантом, г. Бенедиктов наживет многих врагов и многих приятелей. За врагов мы не боимся... да сохранит его Аполлон от приятелей, ласковых хвалителей, которые безотчетною лестью иногда убивают дарование, поселяя в них самонадеянность, недоверчивость к строгому совету, и презрение к дельному замечанию» [5, с. 2].

Рецензент отмечает неприличную двусмысленность эротических стихов Бенедиктова. В этой связи он пишет: «Жаль, что почтенный автор не заблагорассудил выключить из второго издания некоторые соблазнительные и не совсем пристойные картины, о которых ему говорила критика. ... Идеалы его слишком телесны. Его Матильды и Адели хороши только *грудными волнами, глазками* и пр. Как будто в женщине ничего быть не может, кроме наружности! Это самое прозаическое понятие о прекрасной половине человеческого рода» [5, с. 2]. Чтобы доказать свою мысль, Булгарин выписывает строки, кажущиеся ему абсолютно неприличными: «К числу их (непристойных картин. – Г. Р.) мы причислим картину, как *девушка видит лукавый сон, как магнитные перси притягивают железные сердца и, как от верховой езды...* Ну да говорить нельзя: см. стр. 25» [5, с. 2]. Критик даже не решается сделать полную выписку из текста, настолько грубо-непристойными кажутся ему стихи начинающего поэта.

Творческие промахи, неудачные поэтические образы – следствие смелого экспериментирования, упорной работы со словом. Бенедиктов декларировал свое поэтическое кредо в стихотворении «Отрывки» (1837): «Изобретай неслыханные звуки, / Выдумывай неведомый язык!» «Неведомый язык», действительно, мог шокировать публику, привыкшую к эстетической безупречности

и выверенности словесного высказывания в лирике пушкинского периода.

Булгарин соглашается с Шевыревым только в высокой оценке пейзажной лирики поэта: «Его *Утес*, *Стень* и *Могила* истинно прекрасны. Эти три стихотворения как будто писаны другим человеком; их сравнивать нельзя с остальными стишками о глазах, бровях и прочем. В этих трех стихотворениях есть мысль, стих силен, выражение точно и правильно; нет изысканности, нет изнеженности, которые проглядывают в остальных пьесах» [5, с. 3]. Абсолютное несогласие критика вызывает главная идея Шевырева, утверждавшего, что Бенедиктов по преимуществу «поэт мысли», он безоговорочно относит Бенедиктова к поэтам «выражения», заодно высказывает свои собственные взгляды на современную поэзию. Булгарин определяет «ниши» для наиболее заметных лириков своего времени: «Прилежное изучение стихотворений Бенедиктова убедило нас, что он будет замечательным стихотворцем, но не поэтом; что он будет удачно рисовать картины, как Баратынский, как Языков, как Подоллинский, но он не будет поэтом мысли, как Пушкин, как Жуковский, как Федор Глинка. Его пластическое направление много повредит его прекрасному дарованию. Кто раз прилепится к вещественности, тому трудно от нее оторваться. Пластический поэт получает, как древний гигант, всю силу от земли; в небесах ему тесно и душно! Кто предался поэзии косынок, дымки и помады, тот не вознесется в высшую сферу бытия, где живет душа» [5, с. 4]. Можно констатировать, что, в отличие от Шевырева, увидевшего философское начало в лирике Бенедиктова, Булгарин нашел в ней лишь сугубо «земное» – упоение красотой женщины, природы. Близость пафоса, поэтики стихотворений Бенедиктова и Языкова не вызывают сомнений, но включение в этот ряд Баратынского представляется не просто сомнительным, но абсолютно неоправданным.

Неумеренность похвал Шевырева действительно нанесла репутации Бенедиктова вред. Годы спустя Чернышевский в ста-

тье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855-1856) тоже вспомнил о комплиментарной рецензии Шевырева, считая ее очевидным промахом критика [6]. Категоричное утверждение, что лишь с его приходом в русской поэзии «явилась мысль» было справедливо воспринято критикой как недопустимое преувеличение, насмешка над здравым смыслом. Некоторые проникательные современники Бенедиктова разглядели псевдофилософский характер размышлений молодого поэта. Исследователь творчества Бенедиктова, которого трудно заподозрить в недооценке значения его поэзии, отмечал: «Куда хуже обстояло дело с упорным желанием Бенедиктова размышлять в своих стихах о судьбах мира и человека, кометах и звездах, золотом веке и геологических переворотах. В полном соответствии с теорией “поэзии мысли” Шевырева он вдохновенно философствовал, что весьма нравилось ученому кружку Любоумров из журнала “Московский наблюдатель” ... Однако самобытный мыслитель Иван Киреевский скоро понял, что речь идет о мнимо глубоком философствовании на мелких местах: “Наша публика и шевыревская партия восхищаются Бенедиктовым и прочими рифмоплетеньями, где поэты без мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли несколько немеццев, не понимая, может быть, половины”. И был прав» [4].

Но не все оценки Шевырева можно и нужно подвергать беспощадной критике. Некорректно оформленное суждение о «поэзии мысли», явившейся в русскую словесность только с приходом Бенедиктова, заслонило собой другую важную идею Шевырева. Он, кроме всего прочего, давал справедливо высокую оценку «покаянной» лирике молодого поэта. Критики, вступившие с ним в полемику, на эту мысль Шевырева попросту не обратили внимания. Между тем, Шевырев пророчески предсказал, чем именно будет дорога поэзия Бенедиктова читателям. Показательно суждение М.М. Дунаева, которое в основных моментах совпадает с оценкой С.П. Шевырева, подтверждающая ее правоту: «Из

глубины времени обращая к нам жёсткие вопросы, поэт указывает каждому его собственную вину в собственных же бедах. Поэт полностью бездарный и неоригинальный никогда не сумеет одолеть жёстких границ своего времени, а если и ответит сочувственно настроениям и потребностям душевным какого-то круга читателей, то ненадолго. Поэзия Бенедиктова в лучших, хоть и немногих образцах своих одухотворена искренней верой и исконно православным стремлением к смирению и покаянию, – а это верный признак истинной духовности высших проявлений его поэтического мироосмысления» [2].

Между ученических, рассчитанных на эпатажирующий эффект строк, Шевырев увидел емкое содержание, заметил глубокую духовность лирики начинающего поэта. Бенедиктов творчески эволюционировал, и с годами он не только не растратил своего самобытного дарования, а многое приобрел. Произведения шестидесятых-семидесятых годов, такие как «Желания» (1866), «Поздно» (1866), «Бессонница» и другие свидетельствуют о творческой зрелости Бенедиктова. Они просты по форме, лишены каких-либо образных «излишеств», емки по содержанию. Несколько строк из стихотворения «Поздно»:

*Время шло. Время шло. Не считали мы дней.
Нас надежда все вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей,
А она между тем утекала.
.....
Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,*

*Изнуряли сердца, напрягали умы,
Да о будущем все рассуждали [4, с. 237].*

Но эти достижения – дело далекого будущего, современники судили тот поэтический материал, который им был предоставлен, и, критикуя его за вычурность образов и непривычный «фигурный язык», все-таки разглядели много достоинств в лирике Бенедиктова. Можно констатировать, что творческое наследие поэта сейчас вновь привлекает внимание, переосмысливается критическое отношение к «бенедиктовщине», во многом predetermined строгими оценками В.Г. Белинского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аронсон М. Поэзия С.П. Шевырева // С.П. Шевырев. Стихотворения. – Л., 1939.
2. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие в русской литературе XVII-XX вв. Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. URL:<http://www.bogoslov.ru/text/1097177/index.html> (дата обращения 6.12.2010).
3. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М., 1988. – 420 с.
4. Сахаров В.И. В.Г. Бенедиктов: Поэзия и судьба // В.Г. Бенедиктов. Стихотворения. – М., 1991. – 295 с.
5. Северная пчела, 1836, № 144, с. 1-4.
6. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полное собрание сочинений: В 15-ти тт. – М., 1948, т. III. – С. 92-93.
7. Шевырев С.П. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» // Московский наблюдатель, 1835, часть III. – С. 439-459.
8. Шевырев С.П. Стихотворения. “Библиотека поэта” (Б. с), 1939. URL: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0190.shtml (дата обращения 9.12.2010).